

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2014

ВЕРОВ • ВОЛОДИХИН • ГАЛАНИНА • ГЕЛПРИН •
ГЕОРГИЕВ • ДАШКОВ • ЛЕБЕДИНСКАЯ • ОЛДИ •
ПЕРВУШИН • ЯСИНСКАЯ •

ма дисторсии психики, вызванной различием между внушенными симулякрами и тем, с чем человек сталкивается повседневно — ежечасно и ежеминутно. У АБС это «башни ПБЗ» (в ХВВ — «дрожка»), у Ефремова — «Встреча со Змеем». Удивительное совпадение, и совпадение ли? Не секрет, что в ОО АБС писали Советский Союз, переживший ядерную войну, поэтому можно рассматривать роман как антиутопию «близкого прицела». У Ефремова прицел — на века, однако методы, методы...

Отдельный вопрос — способна ли цивилизация Торманса выйти в космос? Еще как!

«Сообщение главной обсерватории Хвоста подтверждено следящими станциями. Вокруг нашей планеты обращается неизвестное небесное тело — вероятно, космический корабль. Орбита круговая, угол к экваториальной плоскости — 45, высота — 200, скорость...»

— Они умеют рассчитывать и орбиты, — буркнул Гриф Рифт».

Знания не утрачены. Не утрачены и боевые умения.

«— Что это было? Нападение? — встретила их Фай Родис.

— Очевидно, — угрюмо кивнул Гриф Рифт. — Вероятно, стреляли ракетами».

Вдумайтесь: совсем недавно обсуждался пролет челябинского метеорита — специалисты хором утверждают: современными средствами ПРО сбить такое небесное тело невозможно. А тут похожий объект с похожими скоростными характеристиками. Две ракеты — два попадания. Могут выйти в космос? Легко. Но только если возникнет недвусмысленная угроза вторжения извне.

Итак, что же мы имеем в остатке? Что ждет человечество в худшем варианте? Монокультура англосаксонского типа, спланированная планетарная катастрофа и установление высокотехнологичного иерархического общества с четкой сегрегацией на «быдло», службу и хозяев жизни, при полной монополии на информацию этих самых хозяев. Самое страшное, что такая система абсолютно устой-

чива и не может быть разрушена изнутри. Собственно говоря, экипаж «Темного Пламени» пошел на рискованную авантюру и проиграл. По всем статьям. Но, по крайней мере, самим фактом пришествия земляне показали, что **можно по-другому**. А ведь нам надеяться не на кого. Не прилетят к нам далекие братья после тысячелетней разлуки, не кинутся спасать прогрессоры во главе с Сикорски, не явится агент совбеза Иван Жилин...

И мир «Хищных вещей века» таки лучший из возможных будущих.

Каковы же выводы? Их два.

Первый: удивительным парадоксом и даже какой-то гримасой истории выглядит то, что два великих советских утопических писателя оказались одновременно и создателями великих антиутопий. Почему так вышло — вопрос далеко не праздный и требует дальнейших исследований.

Второй: надежды нет. Разве что прогностическая мощь великих утопистов перевесит их же собственную антиутопическую прогностику.

Впрочем, доживем — увидим.

АНТОН ПЕРВУШИН

ИТЕРАЦИЯ МЕЧТЫ

Очерк из цикла
«Образы космической экспансии»

1

Я не могу помнить 1969 год, я тогда еще не родился. Однако, занимаясь историей космонавтики, раньше или позже начинаешь изучать его, ведь именно тогда произошел коренной перелом, коснувшийся не толь-

ко специалистов, работающих в ракетно-космической отрасли, но и миллионов простых советских граждан, включая моих родителей.

Казалось бы, какое отношение космические исследования могут иметь к повседневной жизни людей? Тем не менее был в истории небольшой период, когда космонавтика стала ключевым фактором в противостоянии политико-экономических систем, оказывая влияние на цивилизационный выбор целых народов. О сути влияния хорошо и точно рассказал английский писатель Фрэнсис Спаффорд в книге «Страна изобилия» (в оригинале — «Red Plenty», 2010), описывая триумф советской космонавтики: *«Это не были ряженые революционные крестьяне, размахивающие красными флагами и произносящие на митингах страстные речи, как это представлено в иконографии фильмов Эйзенштейна; и это не был Советский Союз Иосифа Сталина — государство всеобщей мобилизации, массового террора и сурового тоталитарного труда. Вдруг, неожиданно, появилось место, не особенно веселое, но разумно организованное, немилитаристское — и высокотехнологичное, с лабораториями и небоскребами, которое делало все то же самое, что на Западе, но при этом грозило, пока «момент» длился, сделать это самое все — лучше. Американские колледжи беспокоились, что им не под силу выпускать такое же удивительное количество инженеров, как в СССР. Страдальческие вопли о необходимости самокритики заполнили страницы публицистики европейских и американских газет — колонисты вопрошали, как свободное общество собиралось соответствовать стальной стратегической воле к процветанию, которой обладал успешный СССР. <...> И пока «советский момент» длился, это было похоже на то, что где-то рядом вот-вот проклюнется некая альтернативная версия современной жизни: та, с которой приходилось считаться, извлекать из нее уроки — на*

тот случай, если она в самом деле опередит западную модель и оставит капиталистические страны плетущимися далеко в хвосте».

Действительно, до конца 1950-х годов Советский Союз, несмотря на быстрый экономический рост в относительно «спокойные» периоды своего существования, вряд ли мог выглядеть завидным государством в глазах гражданина развитой западной державы. Две кровопролитные войны, Гражданская и Великая Отечественная, нанесли невосполнимый урон. Комфорт и обеспечение жизни большинства населения оставались на уровне самых бедных стран типа Афганистана или Мексики. Конкурентоспособность продукции на мировых рынках определялась исключительно демпингом. Отпугивал и советский политиком: скрытный, часто лживый, категорически отрицающий «традиционные ценности». И тут — внезапно! — Советский Союз оказывается лидером в области, которая до того была исключительно предметом обсуждения фантастов. Первый спутник, собака Лайка на орбите, попадание в Луну, снимки обратной стороны Луны, первые межпланетные станции, а вскоре — полеты Юрия Гагарина, Германа Титова и других космонавтов. Наступил «советский момент», пробуждающий зависть и любопытство: как у этих неотесанных русских получается то, чего не могут сделать передовые державы? Политики и военные кивали на мощные ракеты. Но ведь и ракету не сляпаешь на коленке — нужны высокие технологии, соответствующая культура, хорошее образование, наконец!

Космонавтика, вызывающая интерес всего мира, стала козырной картой в геополитической стратегии. И Никита Сергеевич Хрущев ловко разыгрывал ее. Одна только фраза «Социализм — это и есть та надежная стартовая площадка, с которой Советский Союз

успешно направляет в космос свои мощные совершенные космические корабли» чего стоит!

Немаловажно, что космическим энтузиазмом были охвачены народные массы и в самом СССР. Население начало уставать от бесконечной болтовни о грядущем коммунизме и о «временных трудностях» на пути к нему. Нужны были яркие очевидные достижения, признаваемые всем миром и демонстрирующие преимущества советского строя. И космонавтика оказалась лучшим вариантом. Люди, которые не могли и мечтать когда-нибудь съездить за границу (разве что на танке), получили в подарок целую Вселенную.

Способствовал формированию общественного пиетета перед ракетчиками и космонавтами их совершенно особый образ жизни. Пройдя отбор, преодолев трудности, доказав словом и делом преданность коммунистическим идеалам, они попадали в совершенно утопический мир, в котором любые желания удовлетворялись, в котором к мнениям специалистов прислушивались, в котором не было места глупости, подлости, трусости, жадности. Фактически космонавты становились людьми будущего — во всех смыслах этого словосочетания.

Забавно читать сегодня те страницы из публицистических статей 1960-х годов, в которых сравнивается мотивация советских космонавтов и американских астронавтов. Дескать, «наши» ратуют исключительно за экспансию и научное изучение космоса, а «ихние» летают туда только за «длинным долларом». Пропагандисты легкомысленно не придавали значения тому факту, что внимательный читатель сам может сравнить вклад конкурирующих программ в науку о Вселенной и сделать не слишком-то благонадежные выводы.

Реакция не заставила себя ждать. 25 мая 1961 года президент Джон Ф. Кеннеди в своем выступлении перед Сенатом и Палатой представителей четко сфор-

мулировал проблему: космические триумфы и провалы отзываются эхом на Земле; победа в космической «гонке» непосредственно связана с победой в «холодной войне»; если Западный мир уступит, его цивилизационная модель утратит привлекательность и будет вытеснена на обочину исторического процесса. В той речи президент сформулировал и конкретную задачу для возвращения первенства — доставить американского астронавта на Луну до конца десятилетия.

Программа реализовывалась в мобилизационном режиме и в июле 1969 года была выполнена: астронавты Нейл Армстронг и Эдвин Олдрин ступили на Луну, потеснив в ряду символически значимых лиц Юрия Гагарина. Вполне можно говорить, что в тот момент Советский Союз потерпел самое серьезное поражение в послевоенную эпоху и был обречен на скорый крах. Те, кто родился после 1969 года (в том числе и я), пришли в мир, где все было predetermined, и увидели этот крах воочию. И самое ужасное — мы воспринимали его как часть *естественного* хода событий. Потеряв цивилизационное преимущество, выраженное в успехах отечественной космонавтики, СССР потерял и ценность в глазах нескольких поколений.

2

Современные неосоветские патриоты вне зависимости от их образованности очень тонко чувствуют надлом в «советском моменте», произошедший на излете 1960-х годов. Вот почему среди них так много «антиполлоновцев» — конспирологов, полагающих, что полеты американцев на Луну были сняты в Голливуде. Казалось бы, тема не стоит выеденного яйца, однако они продолжают возвращаться к ней раз за разом, выискивая мнимые «нестыковки» в современных материалах. К примеру, недавно со дна Атлантики были подняты

фрагменты двигателя ракеты «Сатурн-5», доставившей корабль «Аполлон-11» в космос, — и сразу же появились статьи, в которых заявлялось, что нам показывают бу-тафорию.

Зачем нужна битва с призраками? Объяснение простое: отрицая материальность программы «Сатурн-Аполлон» и ее достижения, отечественные конспирологи стремятся вернуть первенство Советского Союза в сфере духа и таким образом хотя бы отчасти оправдать период его позднего существования. Ведь коммунизм так и не построили, вырваться из вечных экономических проблем не сумели, потребности населения не удовлетворили, внешнеполитических друзей растеряли — зачем было огород городить?..

Однако пресловутый надлом был прочувствован уже тогда — в конце 1960-х годов. Тон и направление пропаганды резко изменились. Если раньше говорили, что советский человек в космосе всегда будет лучше американца, то теперь стали писать, что американцы зазря рискуют людьми, отправляя их на Луну, что ее надо изучать с помощью «умных» роботов, что американцам никогда не построить такое чудо техники, как «луноход».

Пропагандистам и популяризаторам было легко переключить внимание публики на другие достижения. Но что оставалось делать фантастам? Они только что писали о том, как советские корабли бороздят Солнечную систему и отправляются в Первую Межзвездную экспедицию; о том, как коммунисты будущего вступают в контакт с инопланетными коммунистами по Великому Кольцу; о том, как космонавты спасают жизнь астронавтам, попутно демонстрируя им преимущества социалистического «облика морале». И вот теперь все эти утопические ожидания опровергла сама реальность. Требовалось извернуться и найти такой ход, который позволял бы утвердить тезис о том, что Советский

Союз в будущем не только закрепится в космосе, но и вновь станет лидером, как бы не заметив, что советская космонавтика пока не сумела воспроизвести и половины новейших американских достижений (еще в ходе программы «Джемини», которая предшествовала лунным полетам «Аполлонов», было установлено несколько мировых рекордов, никем не побитых до сих пор). Большинство фантастов не справились с задачей, перенеся действие в условное будущее, где противостояние общественно-политических систем сглажено, а в космос летают международные экипажи. При этом ловко обходились детали социального устройства — при прочтении было решительно невозможно понять, что же преобладает в условном будущем: коммунизм или капитализм? Лишь один автор смело преодолел идеологическое затруднение. В историю фантастики он вошел под псевдонимом Кир Булычев.

3

В мемуарных записках «Как стать фантастом» (1999) Игорь Всеволодович Можейко, известный больше как Кир (Кирилл) Булычев, несколько раз подчеркивал, что его приход в фантастику был во многом случаен, но практически неизбежен. Будучи профессиональным переводчиком, он имел относительно свободный доступ к современной ему англоязычной художественной литературе и, разумеется, увлекся остросюжетной прозой. Своей первой публикацией фантастического текста сам Кир Булычев называл перевод рассказа Артура Кларка «Пацифист», опубликованный в журнале «Знание — сила» в 1956 году. Однако официальную библиографию писателя-фантаста все же имеет смысл отсчитывать от рассказа-мистификации «Долг гостеприимства», напечатанного как переводной (автором был указан «бирманский прозаик Маун Сейн Джи») и небольшого цикла

новелл «Девочка, с которой ничего не случится (рассказы о жизни маленькой девочки в XXI веке, записанные ее отцом)» — публикации состоялись в 1965 году. До того у Булычева выходили лишь очерки из жизни Бирмы, где он работал переводчиком на социалистических стройках.

Новый фантаст сразу заявил о себе как автор крепкой прозы, рассчитанной на детей и юношество. К тому времени жанровая революция, начатая Иваном Ефремовым и продолженная братьями Аркадием и Борисом Стругацкими, завершилась, и ненадолго сделалось модным писать «фантастику для взрослых», посвященную глобальным проблемам и острым социальным конфликтам. «Детский сектор» оказался заброшенным, но спрос на него оставался, и Кир Булычев легко вписался в нишу. Впоследствии он не раз пожалел об этом, однако признавал, что популярность девочки из будущего Алисы Селезневой сделала ему имя, давая возможность публиковаться даже в те непростые времена, когда «прозападное» направление фантастики оказалось под негласным цензурным запретом. А Кир Булычев был откровенно «прозападным» фантастом. Очевидно, на его творческие предпочтения накладывало отпечаток хорошее знание англоязычной литературы — из Бирмы он привез великолепную библиотеку, большинство книг в которой невозможно было достать в русском переводе. Сегодня многие знатоки любят иронизировать по поводу того, как Булычев заимствовал фантастические допущения и сюжетные ходы из текстов классиков западной фантастики, но такая трансляция для художественной прозы считается в порядке вещей, и на этом поле Киру Булычеву далеко до Алексея Толстого, переиначившего сказку о Пинокио и забытый «марсианский» роман Крыжановской-Рочестер.

Из мемуаров нельзя достоверно установить, думал ли Кир Булычев об идеологической необходимо-

сти создания непротиворечивой утопии, в которой описывалось бы преимущество советской модели космической экспансии перед западной. Возможно, его подталкивала к этой идее история Алисы, которая постепенно развивалась, обрастая новыми эпизодами и подробностями. Как в самом деле человечество пришло к коммунизму в XXI веке, если Советский Союз не сумел справиться с проблемами даже ближайшего времени?.. Кроме того, следует помнить, что сам Игорь Всеволодович Можейко был «тихим» оппозиционером, то есть недолюбливал советскую власть, но открыто никогда не противопоставлял себя ей. И с неприглядной действительностью его примиряли простые советские люди, которым он и посвятил львиную часть своего творчества.

Так или иначе, в творчестве Кира Булычева появляется «цикл о Павлыше».

4

Цикл рассказов и повестей, объединенный общими персонажами, среди которых выделяется врач космического корабля Владислав Владимирович Павлыш, вряд ли можно назвать полноценной «историей будущего», как, например, цикл «Полдень, XXII век» братьев Стругацких. В нем почти нет хронологических привязок, и мы можем судить о развитии событий только по возрасту Павлыша. Больше того, сами тексты цикла появлялись не в строгой последовательности, а по мере возникновения идей. Скажем, в повести «Великий дух и беглецы» (1972) описан опытный космолетчик Павлыш, а в большом рассказе «Тринадцать лет пути» (1984) — курсант «космического института». Причем в этом последнем тексте прямо говорится, что действие происходит в XXIV веке (примерно в 2355 году). Получается, что Павлыш и его друзья —

наши отдаленные потомки, причем даже более отдаленные, чем Алиса Селезнева!

Но так ли это? Скорее всего, нет. Перенос эпохи Павлыша на три века вперед был сделан Киром Булычевым для обоснования сюжетной канвы, построенной вокруг столетнего путешествия релятивистского звездолета «Антей», экипаж которого использует телепортационные кабины при сообщениях с Землей. Вряд ли писатель думал о таком «переносе», когда только начинал цикл, ведь в основе всех текстов, входящих в него, лежит принцип, что обитатели «мира Павлыша» не «почти такие же», как у Ефремова и братьев Стругацких, а «такие же», то есть ничем не отличаются от современных автору советских граждан.

Историю появления цикла и ключевых персонажей сам Кир Булычев описывал так:

«В 1967 году я отправился в командировку от журнала «Вокруг света» по Северному морскому пути. Я рассчитывал добраться от Мурманска до Тикси, где должен был встретиться с магаданским писателем Олегом Куваевым, страшно талантливым прозаиком, автором широко известных в шестидесятые годы повестей «Берег принцессы Люськи» и «Территория». <...>

На сухогрузе «Сегежа» меня устроили в пустующей каюте первого помощника. Была такая должность специально для заграничных — чекист-политрук. А так как «Сегежа» шла Северным морским путем, как бы во внутренних водах, то каюта чекиста пустовала. Я делал каюту с художником, не помню уж, какого журнала, но тоже командированным. На «Сегеже» я погрузился с доктором Павлышом, капитаном Загребинным и другими членами команды. Все было бы хорошо, но в Карском море мы попали в неожиданные тогда льды и сломали винт. Кое-как «Сегежа» доплелась до Диксона и там застряла надолго, потому что пришлось мять лопасти. Так что в Тикси Олега уже не было, а

меня поджимала следующая командировка — в Швецию. <...>

Я придумал для себя космический корабль, который должен быть обыкновенным, как «Сегежа», и люди там должны быть обыкновенными, как на «Сегеже». Я подумал, что назову этот корабль именем земного прототипа, а главным героем сделаю Славу Павлыша.

Конечно, он не будет так уж похож на моего друга, но все-таки он окажется в чем-то близок Славе».

Таким образом, можно уверенно говорить: персонажи первого романа Кира Булычева «Последняя война» (он же стал первым текстом о Павлыше, хотя сегодня к циклу относят и ранее изданный рассказ «Хоккей Толи Гусева»), появившегося на книжных прилавках в 1970 году, не могут считаться отдаленными потомками. Если уж и соотносить их с какой-то эпохой, то в лучшем случае это будет начало XXI века.

Для первого романа Кир Булычев выбрал стилистический минимализм и достаточно упрощенную рефлексию в описательной части. Человеческие образы сознательно примитивизированы, хотя и далеки от карикатурности: молодые люди чуть инфантильны, старшие товарищи чуть brutальны, второстепенные персонажи чуть задумчивы. «Последнюю войну» вполне можно считать «подростковым» романом, но при этом она посвящена теме, которая была в советской фантастике под мягким запретом, — теме выживания в постапокалиптическом мире.

Космический грузовик «Сегежа» снят со скучного рейса на Титан для выполнения экстраординарной исследовательской миссии. На планете Муне (Синяя), населенной гуманоидами, произошла глобальная война с использованием всех видов оружия массового поражения, что привело к заражению биосферы и гибели цивилизации. Экипаж «Сегежи» хотя и не готовился к работе в отдаленных мирах, тем не менее должен вы-

яснить, что стало причиной войны, и попытаться возродить погибший мир.

Если верить автору, космонавты в романе обладают теми же качествами, что и моряки «Сегежи», с учетом художественной условности. Капитан Геннадий Загребин курит, как паровоз, элегантно гася сигареты в пепельнице, прикрепленной к большому обзорному экрану корабля. По части никотиновой зависимости не отстает от него и очаровательная болгарская практикантка Снежина Панова, в которую влюбляется Владислав Павлыш (корабельный врач вообще заявлен у Булычева чрезмерно влюбчивым). Штурман Алексей Баков, исполняющий обязанности старпома, бдит за чистотой и комплектацией груза, мучая всех бесконечными придирками. Повар тетя Мила, Эмилия Ионесян, готовит борщ и трогательно переживает, если ее обеды кому-то не нравятся. И так далее, и тому подобное. Мелкие детали, создающие отношение к тексту и вызывающие узнавание своей «домашностью». При этом, однако, такие родные и «домашние» персонажи живут в мире, который и сегодня выглядит настоящей фантастикой: они освоили Солнечную систему, они летают между звезд, они пользуются сверхсветовой связью, они могут терраформировать другие планеты, их окружают исполнительные роботы, снабженные искусственным интеллектом.

Понимал ли Кир Булычев, что технологии и расширение пространства возможностей меняют быт, соответствующим образом влияя на повседневные реакции человека? Понимал. В одном из текстов цикла есть примечательная авторская сноска: *«Возможность мгновенно переправиться в любую точку земного шара и парадокс, заключающийся в том, что стало быстрее добраться от Парижа до Рио-де-Жанейро, чем от центра Парижа до Версаля, изменили не только скорость*

сообщений, но и сам порядок жизни. Если ты можешь жить в Москве, а работать на Марсе, ты психологически коренным образом отличаешься от человека двадцатого века». Почему же отличие практически не бросается в глаза?

Ответ прост: возникновение нового технологического уклада обусловлено не степенным течением прогресса, а вторжением извне. В романе «Последняя война» Кир Булычев описал ситуацию предельно конкретно, впоследствии давая лишь ссылки.

«Двигатели того типа, что стоит на «Сегеже», появились на Земле меньше десяти лет назад. Через несколько лет после того, как в ее жизнь вошел Галактический центр. Вошел он без фанфар и барабанного боя. На лунную базу опустился диск. Из него вышли незнакомые существа и на хорошем французском языке (база была французской) сказали, что по договоренности с экипажем корабля «Антарктида», с которым встретились на одной из недалеких (сравнительно) систем, они привезли с собой почту «Антарктиды». Ведь она вернется на Луну через четыре года, так что почта, наверное, представляет интерес для родных и близких...»

Итак, Кир Булычев случайным образом нащупал решение, которое позволяло обойти серьезную идеологическую проблему, непротиворечиво совместив пропагандистскую установку на воспевание преимуществ социализма в деле космической экспансии и суровую реальность американского прорыва. Победить конкурентов нам помогут сверхцивилизации Галактического центра, которые, конечно же, предпочтут иметь дело с представителями более развитого общественно-политического строя, а не с «акулами капитализма».

Обратите внимание на примечательную деталь: корабль, прилетевший из Галактического центра, имеет дискообразную форму. Таким способом Булычев свя-

зал атрибутику романа с уфологией, набирающей популярность в СССР. То есть подразумевалось, что сверхцивилизации уже где-то здесь, наблюдают за нами и, возможно, незаметно занимаются прогрессорской деятельностью.

5

Кстати, о прогрессорстве. У Кира Булычева есть внецикловый роман «Любимец» (1991–1993), написанный незадолго до крушения Советского Союза. В нем еще раз воспроизведена идея пришествия сверхцивилизации на Землю, однако там, где ранее писатель ставил знак «плюс», теперь он ставит «минус». Мощественные «спонсоры» из Галактического центра (!!!), которые чем-то неуловимо похожи на могущественных «корон» из «Последней войны», низводят человечество до уровня скота и домашних «любимцев», оправдывая свою деятельность борьбой с присутствующей нам агрессивностью. К счастью, Галактический центр разбирается в ситуации и отказывает «спонсорам» в поддержке.

Но давайте присмотримся к идеологии двух романов, которые разделены двумя десятилетиями, попристальнее. Есть ли существенная разница в том, как навязывают чуждые нам цели — пряником («Последняя война») или кнутом («Любимец»)? В любом случае человечество выступает не субъектом масштабного исторического процесса, а объектом. Мы теряем свою независимость в выборе путей дальнейшего развития, включающего и космическую экспансию. Наша культура превращается в «карго-культ», и тогда уже не имеет значения, какая цивилизационная парадигма стала в результате главенствующей: капиталистическая, социалистическая или коммунистическая. Да хоть феодаль-

ная! Если нет выбора, если нет цели, то нет и смысла в созидании своего.

Хотя блюстители советской идеологической чистоты порой выглядели глуповато, они почувствовали опасность, которая исходит от «булычевского» варианта разрешения противоречия между декларациями и реальностью. Кир Булычев писал в мемуарах:

«Отношение к социальной фантастике становилось все хуже.

В семидесятые годы в «Молодой гвардии» разогнали замечательную редакцию Жемайтиса, где фантастика и выходила. На место Жемайтиса, Ключевой, Михайловой пришли бездарные устрашители и уничтожители <...>. Они старались погмать под себя всю фантастику в стране, чтобы никто, кроме «своих», печататься не смел. Помню, как в момент очередного перехода власти Светлана Михайлова, бывший редактор «Молодой гвардии», ушедшая после разгона редакции в ВААП, предложила мне отправиться вместе с ней к новому шефу, чтобы узнать, чего он хочет. Разговор был добродетельным, тихим, и ободренная приемом Светлана спросила заведующего: как он относится к социальной фантастике? И тогда шеф посмотрел на Светлану строгим комсомольским взором и ответил с легкой улыбкой:

— Я делю социальную фантастику на две части. Первую я отправляю в корзину, вторую в КГБ.

После этого мы откланялись, а вскоре я получил замечательную рецензию на мои повести, которые тогда лежали в издательстве. В рецензии на «Чужую память», в частности, говорилось: «Мы знаем, на что намекает автор, когда пишет, что над Красной площадью ползли темные тучи». На «Белые крылья Золушки» рецензию написал сам Александр Казанцев, который объяснил, что моей тайной целью является дискредитация советских космонавтов...»

Надо пояснить, что повесть «Белые крылья Золушки» входит в цикл о Павлыше и посвящена проблематике изменения человеческого организма («биоморфирование») с целью приспособления к жизни в неблагоприятных условиях других планет. Она была написана в 1974 году, но к публикации ее допустили лишь в 1980-м под названием «Белое платье Золушки».

Дискредитация дискредитацией, но реальность советской космонавтики выглядела в 1970-е очень неприглядно, даже если брать только открытую официальную хронику. На Луну так и не слетали. Умер Сергей Королев. Нелепо погиб Юрий Гагарин. Потеряли два корабля: на «Союзе-1» разбился Владимир Комаров; на «Союзе-11» задохнулись Георгий Добровольский, Владислав Волков и Виктор Пацаев. Американцы, напротив, не потеряли при выполнении космических миссий ни одного человека; шесть раз слетали на Луну и еще три раза к Луне; запустили огромную орбитальную станцию «Скайлэб», строили космический корабль нового поколения «Спейс шаттл» и запускали исследовательские аппараты к планетам-гигантам (чего, кстати, Советский Союз тоже не сумел сделать).

Лидерство было утрачено. Условный «Галактический центр» переместился в США. Пространство советского человека вновь скукожилось до размеров планеты Земля... И до планеты ли? Ведь, в сущности, рядовой гражданин СССР в самом идеальном случае мог мечтать о посещении «солнечной» Болгарии. А если он работал на ракетно-космическую отрасль, обложенную со всех сторон тотальной секретностью, то даже поездка в страны «социалистического лагеря» для него становилась проблематичной. И любой, кто шел в космонавтику в 1970-е годы, не расширял свои возможности, а сужал их.

Сегодня довольно часто можно услышать мнение, будто бы советскую космонавтику погубила мещанская психология: дескать, обменяли звезды на колбасу. На самом деле ее авторитет рухнул в тот момент, когда фантастические декларации о завоевании безграничной Вселенной зримо разошлись с действительностью, в которой даже естественное желание встречи с родственниками, живущими за границей, превращалось в мучительный кошмар.

Усилиями партийных идеологов советская космонавтика превратилась в такую же «обманку», что и обещание построить коммунизм в течение двадцати лет. Поэтому Михаилу Горбачеву в мае 1989 года было легко призывать к сокращению расходов на нее в пользу более приземленных программ — он был уверен, что его поймут и поддержат. Поэтому Егору Гайдару осенью 1991 года было легко прекратить госбюджетное финансирование ракетно-космической отрасли — он знал, что за нее никто не заступится. Ибо нельзя вечно обманывать людей, рассказывая им о мнимом превосходстве: когда-нибудь они осознают обман и откажутся признавать даже то, что совсем недавно считалось очевидным.

Был ли выход? Могла ли советская космонавтика преодолеть тупик «карго-культы» и совершить нечто прорывное, вернув гордость и энтузиазм начала 1960-х годов? Увы, но вероятность благоприятного варианта была предельно мала. Единственное, что могло бы помочь космонавтике в то время, — пилотируемая экспедиция на Марс, но столь масштабный проект разваливающаяся экономика, с учетом расходов на оборону и «экспорт революции», не потянула.

Именно тогда народное творчество породило хорошо известную шутку: «Есть два выхода из кризиса: ре-

алистический и фантастический. Реалистический — прилетят инопланетяне и решат все наши проблемы. Фантастический — мы решим проблемы сами». Инопланетяне не прилетели...

Г. Л. ОЛДИ

ПРО НАС ПРО ВСЕХ — КАКИЕ, К ЧЕРТУ, ВОЛКИ?!

Если мы изучим ситуацию, сложившуюся на книжном рынке, то увидим, что большой популярностью с недавних пор стала пользоваться так называемая «темная фэнтези» — dark fantasy. Мартин, Аберкромби, Беккер; Кресс, Пекара... Список легко продолжить. Популярность Мартина усиливается снятым сериалом. Хорошо, но чем, собственно, отличается dark fantasy, любимая народом, от фэнтези традиционной? Отличие главным образом кроется в одном: в натурализме. «Темная фэнтези» пользуется литературными приемами даже не реализма — натурализма. Там регулярно и обстоятельно вспарывают друг другу животы, кишки вываливаются наружу, в канаву, вечно идет дождь, герои в грязи и в дерьме, они по сто раз на дню мочатся, справляют большую нужду, пускают ветры... Мы уже не говорим о пытках, столь любимых «инженерами душ человеческих». Пытки описываются смачно, подробно, со всеми неаппетитными деталями. «Белые» персонажи пытаются «черных» с гораздо большим удовольствием, нежели «черные» — «белых».

Итак, зафиксировали: дарк фэнтези на взлете, и характеризуется это направление привлечением элементов натурализма, а не реализма.

Снова посмотрим на отечественный книжный рынок — и увидим, как по востребованности читателем, по темпам продаж и реакции на вышедшие книги, считай, провалилось в тартарары такое направление, как хоррор — литература ужасов. Даже такие мэтры, как Стивен Кинг и Роберт Маккаммон, востребованы, если мерить тиражами, слабо. Продажи плохие — читатель хоррор отторгает. Покупать не хочет, читать не хочет. А если пишет отзывы, то в основном негативные.

Не парадокс ли? В обоих направлениях элементы натурализма — фактор крайне важный, формирующий читательское отношение к книге, но «темная фэнтези» на взлете, а хоррор — на дне пропасти. Как же так?!

Сразу хотим пояснить, что речь идет об общих тенденциях. Да, есть некоторое количество поклонников хоррора, которые с удовольствием покупают Маккаммона или Дашкова. Они хвалят любимые книги на форумах. Точно так же есть читатель, который не любит dark fantasy. Но, как говорится, «в целом по больнице» количество поклонников несопоставимо.

Кстати, постапокалипсис, где тоже присутствуют элементы натурализма — немытый товарищ бродит с автоматом по руинам, кишки валяются, вороны трупы клюют, — читателем принимается отлично. А хоррор — вот беда! — не принимается.

Категорически.

Объясняется это неприятие по-разному. Один читатель пишет: «персонажи картонные». Это, значит, у Маккаммона картонные. Другой утверждает: «недостаточное проникновение в психологию». Это, значит, у Кинга или у Роулинг в «Случайной вакансии» недостаточное. Хорошо, давайте анализировать. Каким образом? А очень простым, статистическим. Берем Мартина «Танец с драконами» (в переводе на русский) — и начинаем поверять алгеброй гармонию...

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА 2014

Погибший в «горячей точке» капитан российской армии Александр Лапин продолжает военную службу... на борту инопланетного корабля, который входит в состав флота, готовящегося к вторжению на Землю...

Олесь и Шандор, brave пилоты космического корабля «Одиссей», чтобы скрасить рабочие будни, решили поближе познакомиться с прелестными инопланетянками Аоллой и Лаймой. Девушки их честно предупредили: только не влюбляйтесь в нас! Иначе наступит... вериль...

Степан был типичным советским любителем книги. А хорошие книги в СССР были дефицитом. Степан готов был душу продать за сборник с новой повестью Стругацких или за томик с романами Булгакова. И вот однажды в родном городе Степана открылся некий

Научно-Исследовательский Институт Свободного Распространения Информации...

Генри Лайон Олди, Антон Первушин, Ярослав Веров, Игорь Вереснев в ежегодном сборнике, выпускаемом по итогам Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг»!

skOmm.ru
снежный ком

ISBN 978-5-699-72293-8

9 785699 722938 >